

СЮНИКСКАЯ ШКОЛА АРМЯНСКОЙ МИНИАТЮРЫ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII—НАЧАЛА XIV вв.

Доктор искусствоведения Т. А. ИЗМАЙЛОВА (Ленинград)

Изучение богатейшего собрания иллюстрированных армянских рукописей Матенадарана им. Маштоца все более расширяется. Одним из аспектов его должны стать датировка и локализация кодексов, не имеющих первоначальных памятных записей. Это безусловно сможет открыть новые горизонты в исследовании армянской миниатюры.

Стремясь наиболее полно выявить иллюстрированные рукописи XII в., мы обратились к отнесенному в каталоге Матенадарана¹ к этому столетию Четвероевангелию М. 6249, в котором первоначальная памятная запись отсутствует. В настоящей статье мы ставим перед собой узкую задачу локализации и, по возможности, уточнения датировки этой рукописи, для чего сопоставляем ее с богато украшенным, но несомненно родственным ей Четвероевангелием 1304 г. (М. 3722). В соответствии с памятной записью последнее исполнено в Нахичеване писцом Акопом, украшено художником Симеоном в дастакерте Астапат, у берегов реки Аракс. Приводим отрывок из этой записи:

«Բաւց գրեցաւ սալ ի մայրաքաղաքիս, որ կոչի Նախիջուան, մեծ նահապետին նոյի շինեալ ձեռամբ տունս իւր: Եւ կատարեցաւ նաղաշուքին սորալ ի մեծ դաստակերտն Աստապատ իոչօցօցալ. առ ափն հեղաշարժ եւ օրհածաւալ գետոյս Երասխայ: Եւ որք հարք ի սա, թողութիւն մեղաց խնդրեցէք զձողի սորա Յակոբայ. Ա՛, ո՛, այոյ, այոյ, աղաչեմք յիշեալ ի բարի մասին դժաղկողն եւ զկազմողն՝ զՍիմեոն ասեմ, հեղ եւ հանդարտ կրանաւոր... զի բաղում աշխատեցաւ...»² — «...Но написал это в столичном городе, который называется Нахичеван, руками великого праотца Ноя построенный дом его. И закончено украшение его (Евангелия, — Т. И.) живописью в большом поместье, Астапат называемом, у берега изменчивой и блестящей цветами радуги реки Аракс. Те, кто посмотрит на это, испросите отпущение грехов писцу сего Акопу. Ох! ох! да! да! просим помянуть добром и художника и переплетчика, говорю о Симеоне, кротком и смиренном монахе... который много потрудился...»

К той же группе следует отнести частично изданное О. Аветисяном Четвероевангелие 1284 г. Библиотеки монастыря Аменапркич в Нор-Джуге (№ 35)³. По словам автора, оно было исполнено в Гндеванке⁴, на-

¹ Дальше обозначаем это собрание буквой М.

² «Ժ՛ր դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ», կազմեց Լ. Ս. Խաչիկյան, Երևան, 1950, стр. 25, § 28.

³ O. Avetislian, Peintres et sculpteurs arméniennes, Le Caire, 1959, стр. 68. Воспроизведены: евангелист Матфей с предстоящим вардапетом Ованнесом и заглавный лист к Ев. от Матфея. Остальной декор Нор-Джугинской рукописи нам неизвестен.

⁴ Гндеваз (Гндевас) — монастырь X в. в устье р. Ахурян. У Алишана — Гнде-

ходившемся в Вайоц-дзоре. Писец—художник Ованнес из Таната-ванка, заказчик — вардапет Вардан. Этот кодекс, близкий по своему художественному оформлению рукописям М. 6249 и 3722, занимает между ними промежуточное место.

Для доказательства принадлежности этих трех рукописей к одному направлению приведем несколько выборочных аналогий из их художест-

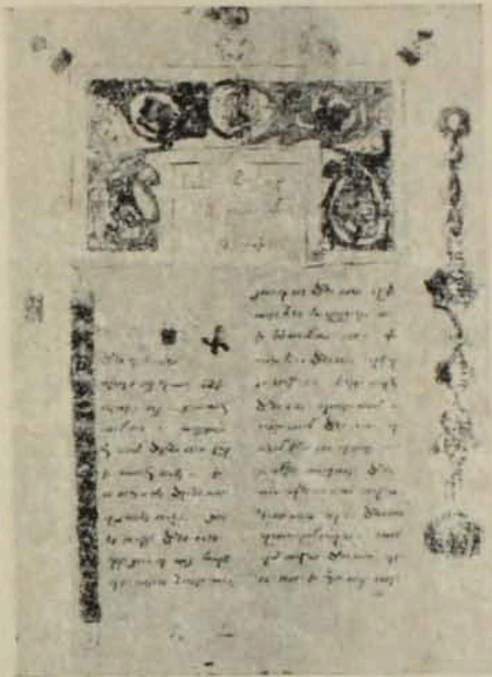

Рис. 1, М. 6249.

Рис. 2, Нор-Джуга, № 35.

венного оформления. Сопоставим заглавные листы к Ев. от Матфея (рис. 1, 2, 3); общим для них являются: П-образная заставка, крупный инициал, наличие маргинала (в рукописи Нор-Джуги почти полностью срезанного). В основе несколько различно трактованных инициалов лежит трансформированный, порой до преодоления образца, тип, широко известный как в византийских, так и в определенной группе армянских кодексов. Единая композиционная схема заглавных листов, исполненных мастерами, работавшими с разрывом в несколько десятилетий, решена различно. В этом сказывается индивидуальность каждого из мастеров, характер заказа, а главное — стилистические изменения, происходящие во времени.

При общем сходстве в заглавных листах к Ев. от Матфея и декора заставки, украшенной спиралевидной лозой, варианты ее в каждой рукописи разные. Наиболее ранним считаем представленный в рукописи М.

ванк, у Бакрадзе — Гнда-ванк. См. «Материалы по археологии Кавказа», т. XIII, стр. 147.

6249, где крупные пальметки и цветы еще превалируют над получающей с XII в. все большее признание спиралевидной лозой.

Дальнейшую эволюцию декор П-образной заставки претерпевает в творчестве не очень искусного писца-художника Ованнеса, украсившего Евангелие Нор-Джуги. В спиралевидной лозе увеличивается количество оборотов — трактовка, приближающая ее к характеристике того же мотива в Нахичеванской рукописи. Не вполне удачно исполненные по углам заставки сирини находят известную параллель в заставке заглавного листа Ев. от Луки этого более позднего кодекса⁵. Выполненные здесь более удачно, они свидетельствуют о существовании сходного образца,

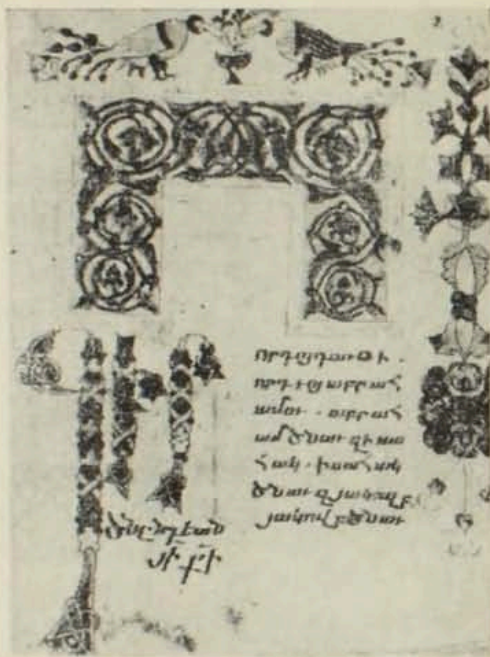

Рис. 3, М. 3722.

известного обоим мастерам, украсившим эти разновременные кодексы. В центре же композиции декора заставки в Евангелии Нор-Джуги, так же как в Евангелии М. 6249, появляется скобка с протянутыми через нее стеблями, что подчеркивает связь и с приемами, принятыми в более раннем кодексе.

В Нахичеванской рукописи мастер, сохраняя в декоре заставки верность общему образцу, стилистически значительно изменяет его. Увеличивается количество оборотов спиралевидной лозы, а также количество самих витков; тем самым многочисленней становятся и завершающие их цветы. Такая трактовка приводит к большей насыщенности и динамичности орнаментальной композиции, заполняющей

заставку. Однако в четком, порою даже несколько схематичном, исполнении симметрично расположенных мотивов утрачивается свобода интерпретации, придающая особую прелесть художественному образу заставки Евангелия М. 6249.

То же и в маргине. Достаточно скромный и сдержанный в этой рукописи, где художник ограничивается переплетающимися стеблями, пропущенными через кольца и скобки, маргинал в Евангелии 1304 г., при сохранении того же принципа построения, расцветает разнообразными фантастическими соцветиями.

Несомненную общность образца видим и в заглавных листах к Ев. от Иоанна рукописей М. 6249 и 3722 (рис. 4,5). В Евангелии Нор-Джуги этот лист остался нам неизвестным. Для краткости изложения не приводим подробного сопоставления этих листов, так как пришлось бы пов-

⁵ L. A. Dournovo, *Miniatures arméniennes*, Paris, 1900, pl. 15.

торить примерно то же, что уже сказано в отношении заглавных листов к Евангелию от Матфея. Остановимся лишь на некоторых деталях.

В заставке заглавного листа к Ев. от Иоанна рукописи М. 3722 в центре, как в заглавных листах Ев. от Матфея двух более ранних кодексов, стебли перекрещивающихся пальметок пропущены через скобку. В маргине же на листах к Ев. от Иоанна рукописей М. 6249 и 3722 появляется характерная трактовка пальметок — с одной стороны их свешиваются трехлепестковые цветы. В Нахичеванской рукописи они стано-

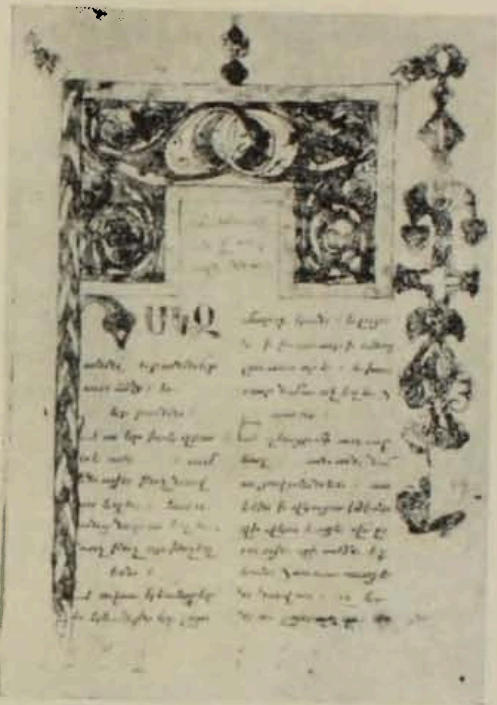

Рис. 4. М. 6249

Рис. 5. М. 3722.

вятся лишь более измельченными. Отметим и то, что встречные пальметки в центре заставки Ев. от Иоанна рукописи М. 6249 в основном повторяются на заглавном листе к Ев. от Матфея Нахичеванской рукописи. При явной общности принятых образцов отдельные сходные элементы их представлены в различных комбинациях, не говоря уже о разнице в стилистической интерпретации композиций в целом.

В маргиналах на листах к Ев. от Иоанна обеих рукописей главное отличие заключается в том, что в Нахичеванском кодексе он вырастает из кубка-потира, отсутствующего в кодексе М. 6249. Но такие же кубки неоднократно встречаются среди многочисленных маргиналов на других его листах. Ограничимся лишь некоторыми примерами.

Сходный кубок-потир появляется около евангельского текста (рис. 6), предшествующего теме «Вход Господень в Иерусалим» (Христос посылает учеников за ослицей)⁶. Такой же кубок-потир в сочетании с агнцем (рис. 7) помещен около текста с притчами Христа («...не ищите, что

⁶ Ев. от Луки, гл. 19, ст. 29, 30.

вам есть, или что пить... продавайте именья ваши и дайте милостыню...»⁷. Трактовка же агнца перекликается с изображением барана в маргинальной пастушеской сцене Евангелия 1304 г. в тексте «Рождество Христова»⁸.

Кубок-потир в рукописи М. 6249 сочетается и с крестом (рис. 8) в тексте «Взятие Христа под стражу» (начало страстей)⁹. Трактовка креста достаточно близка к маргинальному изображению его в Нахичеванской рукописи, хотя там крест представлен без кубка¹⁰ — в тексте тема-

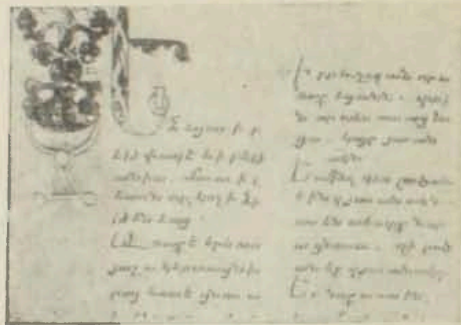

Рис. 6, М. 6249.

Рис. 7, М. 6249

тика, близкая Евангелию М. 6249, — «Несение креста на Голгофу»¹¹. В той же рукописи кубок-потир известен как маргинал в сочетании с рыбами — в тексте речь о Фоме Неверном: Христос в доказательство своего истинного воскресения просит принести ему пищу; ученики приносят рыбу и сотовый мед¹². При сходстве формы кубка и различии связанных с ним изображений — растений, агнца, креста, рыб — семантика всей приведенной группы маргиналов одина. В соответствии с христианской символикой, в таинстве причащения вино превращается в кровь Христа. Сам же Христос предстает то в растительном образе, то в абразе агнца, принесенного в жертву за грехи человечества, или креста как темы жертвенности, или животворящего креста.

В обеих рукописях в маргиналах появляется и полностью сходный по содержанию, в известной мере и по иконографии образ вознесенного змия (рис. 9)¹³. Догматическая идея в маргинале Евангелия М. 6249 подчеркнута сильнее сочетанием вознесенного змия с крестом. Но иллюстрирует этот маргинал ту же тему, которую сопровождает одинаковый в обеих рукописях текст. Он гласит: «И как Моисей вознес змия в пусты-

⁷ Там же, гл. 12, ст. 27—33.

⁸ Там же, гл. 2, ст. 8. См. Л. А. Дурново, Древнеармянская миниатюра, Ереван, 1952, табл. 44.

⁹ Ев. от Матфея, гл. 26, ст. 65—67.

¹⁰ См. Л. А. Дурново, указ. соч., табл. 44.

¹¹ Ев. от Иоанна, гл. 19, ст. 16, 17.

¹² Ев. от Луки, гл. 24, ст. 41, 42.

¹³ Л. А. Дурново, указ. соч., табл. 44.

не, так должно вознесено быть Сыну Человеческому»¹⁴. Как видим, зачастую вполне реальные образы, связанные с народным искусством — цветы, баран, рыба, змей, — преломляются через христианскую догматику и согласуются с евангельским текстом. В этом, как нам кажется, отличие этой группы маргиналов Сюникских рукописей от маргиналов Мушского Чарынтира (М. 7729), с которыми сопоставляла их Л. А. Дурново¹⁵.

Выборочно приведем для сопоставления еще один сходный по трактовке маргинал рукописей М. 6249 и 3722, изображающий храм (рис. 10). В тексте обоих кодексов речь идет о храме, который будет разру-

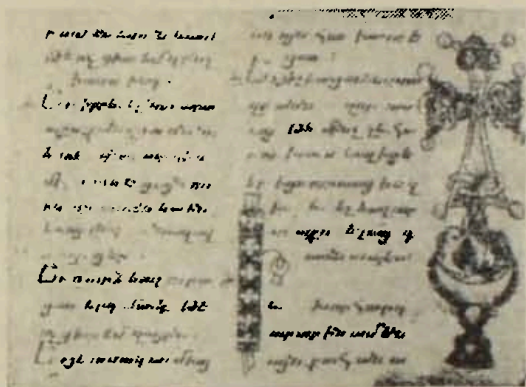

Рис. 8. М. 6249

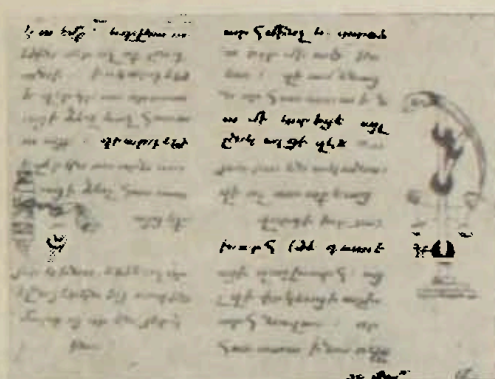

Рис. 9. М. 6249

шен¹⁶. В Евангелии 1304 г. маргинал лишь приобретает присущую всему декору этой рукописи большую динамичность, подчеркнутую развевающейся завесой¹⁷.

Параллели в маргинальных украшениях этих двух рукописей можно было бы увеличить, но для доказательства родственности художественного направления, к которому они принадлежат, достаточно сказанного. Однако не следует думать, что художественное оформление рассматриваемых кодексов идентично. В Нахичеванском Евангелии оно значительно многообразнее и обильнее, что не исключает, как мы видели, близких или прямых параллелей, позволяющих делать на их основе убедительные заключения.

Родственность направления подтверждает и само по себе введение в рукопись многочисленных маргиналов, часть которых служит символами для передачи содержания текста¹⁸. Следует отметить и то, что сходные маргиналы в каких-либо армянских рукописях, кроме интересую-

¹⁴ Ев. от Иоанна, гл. 3, ст. 14.

¹⁵ Л. А. Дурново, *Miniatures arméniennes*, стр. 142.

¹⁶ Ев. от Луки, гл. 21, ст. 5, 6.

¹⁷ Л. А. Дурново, *Древнеармянская миниатюра*, табл. 44.

¹⁸ О. Аветисян, указ. соч., стр. 68. Автор отмечает наличие в рукописи Нор-Джуги № 35 маргиналов и орнаментированных букв, исполненных, по его словам, в «декоративном стиле очень хорошего вкуса». Нам они остались неизвестными. Очевидно, и тут сказалась особенность школы.

щей нас группы, комплексно не встречаются; это относится как к их содержанию, так и к форме. Чаще появляются в маргиналах кодексов, принадлежащих к другим направлениям, лишь изображения храма.

Причастность рукописей М. 6249 и 3722 к одной школе сказывается и в стиле с характерной для него плоскостностью трактовки орнаментальных мотивов, условностью и обобщенностью реальных образов. То же и в колорите, где при отсутствии золота господствуют охристо-красные фоны. Они акцентируют довольно приглушенные красочные сочетания

Рис. 10, М. 6249.

(зеленовато-черного, серого, в малом количестве синего цвета, отличающегося более яркой тональностью желтого) выступающих на них декоративных композиций. Сходна и акварельная манера исполнения. Разбеленные нечистые краски наложены жидким неровным кроющим слоем без нюансов и оттенков. Не случайно и то, что оба кодекса написаны на бумаге и имеют примерно одинаковые размеры (Евангелие М. 6249—32 × 25, Евангелие М. 3722—32,5 × 28 см; материал и размеры Евангелия Нор-Джуги нам неизвестны, так же как и его колорит).

Репертуар орнаментальных мотивов хотя и приближается к каринским рукописям XII в.¹⁹, но аппликационный характер подчеркнуто

плоскостных четких композиций, особенности колорита и отсутствие параллелей как в построении заглавного листа, так и маргиналах дают еще одно основание выделить рукописи М. 6249 и 3722 в отдельную группу. Мы считаем возможным локализовать ее Сюником. Подтверждением тому служат указания на место, где были исполнены два из интересующих нас кодексов, имеющих памятные записи. Напомним, что Евангелие Нор-Джуги 1284 г. было написано в Гндеванке, украшено художником из Таната-ванка. Оба монастыря находились в Вайоц-дзоре. Евангелие 1304 г. (М. 3722) написано в Нахичеване и украшено в Астате. Город Нахичеван лежал на границе Сюника и Васпуракана²⁰, но

¹⁹ Т. Измайлова, Каринская рукопись 1186 года (ИВАН, С-65),—«Историко-филологический журнал», 1974, № 1, рис. 4, 8; ср. также Каринскую рукопись 1181 г. (М. 6264).

²⁰ Прямых отголосков такого художественного направления в васпураканской миниатюре не наблюдается, но Л. А. Дурново считала рукопись Нахичеванского Евангелия одной из ее опор (L. A. Duronov, *Miniatures arméniennes*, стр. 144).

чаще входил в состав первой из этих областей. Сопоставление же Нахичеванского кодекса с рукописью Нор-Джуги, исполненной в хорошо известном монастыре Сюника художником, вышедшим из такого крупного монастырского центра, так Таната-ванк, позволяет говорить о распространенности художественного направления, к которому относятся эти рукописи, именно в Сюнике. Из одного из скрипториев той же области должно было выйти и Евангелие М. 6249.

Что касается датировки этой рукописи, то большая строгость и лаконичность ее декора, близость некоторых крупномасштабных растительных элементов к каринским рукописям последней четверти XII в. не мешали бы отнести к тому же времени и этот кодекс. В таком случае мы имели бы возможность судить об одном из течений еще мало известной для данного периода миниатюрной живописи восточных областей Армении, с характерной для нее яркой спецификой. Эта специфика выражена и в том, что маргиналы, хотя и проникнуты зачастую христианской символикой, выдают как в стиле, так и в колорите народную тенденцию. Это относится в особенности к Нахичеванской рукописи, где в маргиналах явно проступает и народное их осмысление, корнями уходящее в языческую древность²¹. Богатство художественного оформления этой рукописи, безусловно, требует дальнейшего монографического ее изучения.

Датировке Евангелия М. 6249 XII веком препятствуют палеографические данные. По мнению А. С. Матевосяна, шрифт, которым оно написано, следует относить ко второй половине XIII в., что хронологически в большей мере приближает этот кодекс к двум родственным ему датированным рукописям (1284 г. — Евангелие Нор-Джуги № 35 и 1304 г. — М. 3722).

Но нельзя исключить и того, что самообытное, полное своеобразие направления, представленное во всех трех рукописях не только окончательно сформировавшимся, но и находившимся в постоянном развитии, могло зародиться в конце XII в. на переломе армянской миниатюрной живописи после сельджукского завоевания.

Народный же характер этих миниатюр, восточная ориентация, достигающие апогея в Нахичеванском Евангелии, легко согласуются с особым положением Сюника во второй половине XIII—начале XIV вв. Войдя в состав государства Хулагидов, Сюник пользовался правом инджу. Искоренение же феодальной знати, рост города, усиление купечества, повышение роли демократических слоев при общем экономическом подъеме могут объяснить как новый расцвет деятельности сюникских скрипториев, так и проникновение в художественное оформление евангельской рукописи народной тенденции.

²¹ Л. А. Дюгенова, указ. соч., стр. 142, 144.

ՀԱՅ ՄԱՆՐԱՆԿԱՐՁՈՒԹՅԱՆ ՍՅՈՒՆԻՔԻ ԳՊՐՈՑԸ
XIII ԴԱՐԻ ԵՐԿՐՈՐԴ ԿԵՍԻՆ ԵՎ XIV ԴԱՐԻ ՍԿԶԲԻՆ

Արվեստագիտության դոկտոր Տ. Ա. ԻՋՄԱՅԻՆՈՎԱ (ԼԵՆԻՆԳՐԱԿ)

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Մաշտոցի անվան Մատենադարանի № 6249՝ հիշատակարան շունեցող նկարազարդ հայկական ձեռագրի ստեղծման ժամանակը և վայրը ճշտելու նպատակով այն համեմատվում է Մատենադարանի № 3722 ձեռագրի հետ, որն ընդօրինակվել է Նախիջևանում՝ 1304 թ.: Նույն խմբին է պատկանում նաև 1284 թ. Թանատա վանքի գրչի ձեռքով Գնդեվանքում (Վայոց ձոր) գրված մի Ավետարան, որ այժմ պահվում է Նոր Զուղայի Ամենափրկիչ վանքի գրադարանում (Ն. 35): Նշված ձեռագրերի հարդարանքի նմանությունը ապացուցելու համար համեմատվում են նրանց սկզբնաթերթերը և սյուժետային լուսանցազարդերը: Երեք ձեռագրերի՝ միեւնույն դպրոցին պատկանելը հաստատվում է նրանց գեղարվեստական ձևավորման ևղանակի ընդհանրությամբ, ինչպես նաև նույն տիպի թղթի օգտագործմամբ: Այս բոլորը թույլ է տալիս Սյունիքը համարել № 6249 ձեռագրի ստեղծման վայր, իսկ ոճի առանձնահատկությունները խոսում են այն մասին, որ ստեղծման ժամանակը պետք է լինի XIII դարը, շնայած մանրանկարչական սույն ուղղությունը կարող էր ծնունդ առնել արդեն XII դարում: